

© Г. И. Кустова

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.12](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.12)

УДК 316 + 378

КОНСТРУКЦИИ С РЕФЛЕКСИВНЫМ МЕСТОИМЕНИЕМ И НЕОДУШЕВЛЕННЫМ ПОДЛЕЖАЩИМ *

Г. И. Кустова (Москва, Россия)

В статье рассматриваются конструкции с рефлексивным местоимением и неодушевленным подлежащим, ср.: Эта фраза содержит в себе глубокий смысл. Эти конструкции содержат переходный глагол и рефлексив. Такие рефлексивные конструкции являются результатом повышающей актантной деривации и соотносятся с непереходными конструкциями типа В этой фразе содержится глубокий смысл. Такая повышающая деривация происходит в сфере неагентивных значений. В статье сравниваются процессы повышающей деривации и понижающей деривации. Понижающая деривация рассматривается на материале декаузативных конструкций, ср.: Форточка открылась; Звери содержатся в клетках. Рассмотренный материал иллюстрирует то, что, во-первых, в русском языке, наряду с процессом интранзитивизации, действует относительно регулярный процесс транзитивизации и, во-вторых, что агентивная и интерпретационная сферы устроены по-разному, и это должно учитываться в лингвистическом описании.

Ключевые слова: возвратное местоимение (рефлексив), повышающая актантная деривация, понижающая актантная деривация, непереходные конструкции, переходные конструкции, декаузатив.

Главным синтаксическим свойством возвратного местоимения *себя* (далее – ВМ или рефлексив) является кореферентность с подлежащим [6]. ВМ показывает, что двум разным актантам глагола, выполняющим в ситуации две разные семантические роли, соответствует один и тот же референт, ср.: Он [X] ущипнул соседку [Y] vs. Он [X] ущипнул себя [X]; Он [X] рассказал о друге [Y] vs. Он

[X] рассказал о себе [X]; Он [X] гордится сыном [Y] vs. Он [X] гордится собой [X]. При этом для рефлексива *себя* приоритетными являются ситуации, где субъект – лицо. Про случаи неодушевленного подлежащего обычно говорится, что кореферентный ему рефлексив *себя* факультативный, избыточный и его всегда можно элиминировать (см., например, [6]), ср.:

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-04-00604а.

Кустова Галина Ивановна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

E-mail: galinak03@gmail.com

Глагол подчиняет себе существительное – Глагол подчиняет существительное;

Эта фраза содержит в себе глубокий смысл – Эта фраза содержит глубокий смысл и т. п.

Поскольку такой рефлексив как будто бы не вносит нового содержания и легко может быть устранен без изменения значения предложения, будем называть его тавтологическим рефлексивом (ТР).

Сразу же сделаем уточнение: ТР встречается не только в предложениях с неодушевленным подлежащим (ср. *Экспонат привлекал к себе внимание необычным цветом*), – но и в предложениях с одушевленным подлежащим: *Рокер привлекал к себе внимание экстравагантной прической*. Важно, что референт подлежащего не контролирует ситуацию: в данном случае наблюдатель заинтересовался прической рокера, о чем последний может и не знать. Но в предложениях с личным подлежащим могут возникать дополнительные семантические эффекты, поэтому дальше мы будем – для простоты – рассматривать только предложения с неодушевленными подлежащими.

В отличие от обычных рефлексивных конструкций, конструкции, допускающие ТР, остаются в тени и не являются предметом особого внимания лингвистов – в том числе, вероятно, потому, что ТР в них часто отсутствует. Между тем есть множество глаголов, при которых можно употребить ТР. Вот (по необходимости небольшая) выборка иллюстративных примеров¹:

СЕБЯ

изжить себя, исчерпать себя, дискредитировать себя, (не) оправдать себя, (не)

окупить себя, показать себя, обнаружить себя и др.:

Тема репрессий тоже **исчерпала себя** («Советская Россия», 2003.05.15).

Идея «восьмерки» **изжила себя** («Дипломатический вестник», 2004.07.270).

Новое оборудование должно **окупить себя** через 2–3 года («Дело» (Самара), 2002.07.02).

СОБОЙ

доказать собой, заполнять собой, знаменоваться собой, исчерпывать собой, охватывать собой, символизировать собой, характеризовать собой и др.:

Зачем он дан был миру и что **доказал собою**? Пушкин дан был миру на то, чтобы **доказать собою**, что такое сам поэт, и ничего больше (Н. В. Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями (1843–1847)).

Это обстоятельство весьма **заинтересовало собою** двух смышленных господ (В. В. Крестовский. Петербургские трущобы (1864)).

Знать, что представляешь в своем лице древнейшую государственность на земле, знать, что **заканчиваешь собой** историю четырех или пяти тысячелетий, – это, как хотите, тяжело («Новое время», 1908).

В ожидании покупателя рояль простоял несколько месяцев, **занимая собой** чуть не всю правую секцию (Андрей Троицкий. Удар из прошлого (2000)).

Публика **заполнила собой** все залы выставки, толпились и на лестнице («Московская газета копейка», 1911).

Восстание декабристов **знаменовало собой** появление большого числа духовно свободных людей (Дмитрий Лихачев. О русской интеллигенции (1993)).

Однако символ – явление многозначное, и идеи, которые вкладывает в него автор, **не**

¹ Национальный корпус русского языка. – [электронный ресурс]. – URL: www.ruscorgpora.ru (дата обращения: 12.12.2013).

исчерпывают собой его содержание («Неприкосновенный запас», 2009).

«Великая Россия» – таков лозунг, **объединяющий собою** ныне самые широкие и разнообразные круги русской общественности («Проблемы России», 1916).

Декабристы **открывают собою** длинный ряд русских революционеров-мучеников, изгнанных, сосланных, казненных... («Звезда», 2002).

«Домострой» **охватывает собой** все стороны жизни в ее общих принципиальных основах и в ее повседневности (Н. К. Гудзий. История древней русской литературы (XVI-XVII вв.) (1938)).

Кто не знал, что колхозники голодают, что интеллигенция запугана и прижала уши, что всем заправляют органы, **придавившие собой** и партийное руководство (Василь Быков. Болото (2001)).

В настоящее время достаточно распространено мнение, согласно которому с крещением Руси в ее истории начался новый этап, **перечеркнувший собой** все, что ему предшествовало (Интернет, сайт нумизматики).

Он **подтверждал собой** ту истину, что если человек талантлив, то талантлив во всем (Андрей Макаревич. Все очень просто (1990)).

Кактус **украшает собой** комнату не хуже розы («Пятое измерение», 2003).

А переводчик выбрасывает именно этот эпитет, **характеризующий собой** всю трагедию Гамлета (К. И. Чуковский. Высокое искусство (1968)).

В СЕБЕ

заключат в себе, отражат в себе, скрывают в себе, содержат в себе, сочетать в себе, таить в себе, хранить в себе и др.:

Любая точка голограммы **заключат в себе** всю записанную в ней трехмерную информацию («Знание – сила», 2003).

Метро **объединяет в себе** материальную жизнь и обе ипостаси загробной (Дмитрий Глуховский. Метро 2033 (2005)).

Экспозиция получилась небольшая, хотя она и призвана **отразит в себе** целых три века и даже больше («Российская музыкальная газета», 2003.01.15).

Расхожие экономические концепты и теории всегда **скрывают в себе** второй – политический – смысл («Неприкосновенный запас», 2003.09.12).

Почки и кора этих веточек **содержат в себе** витамины и минеральные вещества (И. Г. Иерусалимский, В. М. Антонов, Н. И. Епифановский. Певчие птицы и волнистые попугайчики (1977)).

Категория времени до сих пор **таит в себе** множество загадок... (В. Н. Комаров. Тайны пространства и времени (1995–2000)).

Похоже, брянская земля **хранит в себе** какую-то тайну («Криминальная хроника», 2003.06.24).

В СЕБЯ

*включать в себя, вмещать в себя, во-
брат в себя, впитать в себя:*

Список **включает в себя** пять фамилий.

К концу 1980-х хардкор **вобрал в себя** разнообразные музыкальные стили, такие как фанк, хип-хоп, блюз, фри-джаз («Хулиган», 2004.06.15).

НА СЕБЕ

Тематика докладов **несёт на себе** некоторый отпечаток современного положения отечественной экономики («Наука в Сибири», 2001.03.07).

ЗА СОБОЙ

Термин «раса» **тянет за собой** длинный хвост негативных ассоциаций.

Процесс демократизации общества неизбежно **влечет за собой** серьезные судебные преобразования («Отечественные записки», 2003).

К СЕБЕ

Ожерелье **притягивает к себе** взгляды.

Экспонат **привлекает к себе** внимание посетителей.

СЕБЕ

Глагол **подчиняет себе** существительное.

ЧЕРЕЗ СЕБЯ

Хитиновый панцирь всех членистоногих животных уже совершенно не способен **пропускать через себя** воздух (С. Рубашев. Биология (1925)).

Смальта **пропускает через себя** свет, но расположенные за ней предметы делает невидимыми («Наука и жизнь», 2007).

Из приведенных примеров видно, что тавтологический рефлексив является факультативным отнюдь не везде, – его можно опустить только в том случае, если он не является прямым дополнением; прямое дополнение синтаксически обязательно (**Тема исчерпала*; **Оборудование окупило*). Однако главный вопрос не в том, почему его можно опустить, а в том, почему его можно включить в предложение и в какое именно предложение? Поэтому в дальнейшем мы будем рассматривать случаи, когда ТР действительно можно опустить, но он тем не менее употребляется.

В агентивных предложениях подлежащему и рефлексиву соответствует один референт, но два разных актанта и две разных се-

мантических роли: *X [= агенс] уцпипнул себя [= пациенс]*, т.е. рефлексиву соответствует отдельный участник ситуации. В неагентивных предложениях ситуация иная. Так, предложение

(а) *Глагол подчиняет себе существительное* – значит то же, что

(б) *Существительное подчиняется глаголу*

(в) *Существительное зависит от глагола*

(г) *Глагол доминирует над существительными*

(д) *Глагол управляет существительным*

В случаях (б)–(д) перед нами стативный двухместный предикат, описывающий отношение между глаголом и существительным. Никакого третьего актанта и третьей роли в таком стативном значении нет. Если предложение (а) *Глагол подчиняет себе существительное* синонимично остальным, то это тоже двухместное отношение, которое «не предусматривает» никакого отдельного актанта и отдельной семантической роли для рефлексива *себе*.

Возникает вопрос: если тавтологический рефлексив – совершенно фиктивный, «фантомный» член предложения, который ничего не добавляет ни в структуру предложения (он всегда устраним), ни в его семантику (он полностью дублирует подлежащее), тогда какую функцию он выполняет? Получается, что в русском языке существует уникальное и необъяснимое явление, не имеющее аналогов: элемент, который ни зачем не нужен и ничего не значит, регулярно появляется в определенном типе предложений. Если бы этот элемент был прикреплен к основе, как *-ся* у глаголов типа *казаться* или *смеяться*, тогда его появление было бы неизбежно. Но ТР (не в винительном падеже) – это свободный элемент, и говорящие употребляют

его совершенно «добровольно» и, по-видимому, целенаправленно.

Кроме того, если бы такой рефлексив действительно был совершенно избыточен, ничего не означал и полностью дублировал подлежащее, тогда его можно было бы вставить в любое предложение – и в любом падеже!

Однако, во-первых, его нельзя вставить в любое предложение, например, в предложение (г) *Глагол доминирует над существительным*, синонимичное предложению (а) *Глагол подчиняет себе существительное*, ТР вставить нельзя: **Глагол доминирует собой над существительным*.

А во-вторых, в тех предложениях, где ТР допустим, он стоит не в любом падеже, а в совершенно определенном.

Таким образом, существуют какие-то условия для появления ТР и, скорее всего, какие-то функции, которые ТР выполняет. О функциях будет сказано позже, а условия можно сформулировать уже сейчас. Анализ приведенных выше примеров показывает, что:

(1) ТР допустим при глаголах, которые употребляются в производных (неагентивных, интерпретационных) значениях;

(2) ТР употребляется

(а) при переходных глаголах, ср.: *X исчерпывает собой что, X заключает в себе что, X пропускает через себя что*, и не употребляется при непереходных, ср.: **X отвечает собой чему; *X соответствует собой чему*;

(б) эти переходные глаголы имеют соотносительные непереходные (однокоренные или супплетивные): *исчерпывает собой – им исчерпывается; заключает в себе – в нем заключается, несет на себе – на нем лежит, тянет за собой – за ним тянется, пропускает через себя – через него проходит*.

Итак, важнейшие условия употребления ТР – (1) интерпретационность, (2) переходность и соотносительность. Ниже мы рассмотрим эти условия, а в пункте (3) попытаемся показать, в чем специфика и функция конструкций, допускающих ТР.

1. ИНТЕРПРЕТАЦИОННОСТЬ

Совершенно принципиально, что конструкции с ТР относятся к неагентивной, интерпретационной сфере, которая противопоставлена агентивной (и шире – сфере физических действий и процессов).

В агентивной сфере за ситуацию и за ее концептуализацию отвечает Агенс.

Агенс определяет, какова цель и достигнута ли она, какие участники входят в ситуацию и какие роли выполняют. Например, инструмент (*резать ножом*) и средство (*красить краской*) – импликации агенса. В неагентивных ситуациях те же самые предметы имеют другие семантические роли: если вы случайно порезались ножом, нож не инструмент, если случайно испачкались краской – краска не средство.

Интерпретационность противоположна агентивности. Интерпретировать можно самые разные ситуации – от физических до информационных, в том числе ситуации с личным (и даже агентивным) субъектом. Но описываются они не с точки зрения субъекта, а с точки зрения внешнего наблюдателя-интерпретатора, который ПРИПИСЫВАЕТ предикат субъекту, концептуализуя ситуацию так, а не иначе. Например, предложение *Петя огорчил маму двойкой* предполагает две разные ситуации, произошедшие в разное время: сначала Петя получил двойку, потом мама узнала и огорчилась. Но интерпретатор, во-первых, соединил эти две ситуации в одну, а во-вторых, сделал Петю главным участником

ком, представив его как виновника события (ср. *Мама огорчилась из-за двойки*).

Интерпретационные предложения могут относиться и к агентивным ситуациям. Например, физическую ситуацию «X вошел в дверь» интерпретатор может описать предложением *X ошибся дверью*, если X вошел не в ту дверь, в какую нужно. При этом X даже не знает, что является участником ситуации «ошибся», – потому что если бы знал, то не вошел бы в эту дверь.

Признак отсутствия контроля над ситуацией со стороны референта подлежащего, о котором шла речь выше, является импликацией интерпретационности: в предложении сообщается не то, что «делает» субъект, а то, что видит или даже приписывает ему наблюдатель-интерпретатор.

В связи с этим в интерпретационных предложениях возникает парадокс.

С одной стороны, субъект исходной ситуации лишается «права голоса», выступает как пассивный объект описания по отношению к интерпретатору. С другой стороны, занимая позицию подлежащего – высшую в иерархии синтаксических позиций, – он становится своего рода контролером информационной ситуации, которая описана интерпретатором, ее главным участником, – во всяком случае, темой, т.е. главным в коммуникативной структуре, – т.к. эта информационная ситуация порождается им, происходит «из-за него».

Итак, первое условие употребления TP – значение глагола должно относиться к неагентивной, информационной, интерпретационной сфере. Тот же глагол, описывающий физическую ситуацию, не допускает присоединения TP, ср.:

Эта шкатулка хранит в себе много тайн / скрывает в себе много тайн / заключает в себе много тайн,

но: **Эта шкатулка хранит в себе много писем; *Коробка хранит [в себе] обувь.*

С предложением *В коробке хранится обувь* такая трансформация (**коробка хранит*) не удастся, т.к. в данном случае декаузатив (и соответствующая ситуация) сохраняет связь с агентивной сферой: это агент-контролер хранит обувь в коробке, хотя он не присутствует ни в синтаксической, ни даже в семантической структуре. (**В шкатулке хранятся тайны* тоже нельзя сказать, потому что это пассив – т.е. агент есть в семантической структуре; соответственно, *В шкатулке хранятся письма* сказать можно.)

2. ПЕРЕХОДНОСТЬ И СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ

Конструкции с TP являются производными не только в плане семантики – т.е. в том смысле, что глагол употреблен в производном значении, – но и в плане синтаксиса. А именно: у них производное подлежащее. Поэтому их надо рассматривать в паре с теми конструкциями, с которыми они соотносятся, подобно тому как пассив рассматривается «в связке» с активом, а декаузатив – с каузативом:

(а) *В овощах содержатся витамины –*
(б) *Овощи содержат [в себе] витамины*

(а) *Содержание символа не исчерпывается этими идеями –* (б) *Эти идеи не исчерпывают [собой] содержание символа*

(а) *За термином «раса» тянется длинный хвост негативных ассоциаций –* (б) *Термин «раса» тянет [за собой] длинный хвост негативных ассоциаций*

(а) *Ряд революционеров открывается декабристами –* (б) *Декабристы открывают [собой] длинный ряд русских революционеров-мучеников*

(а) *Все стороны жизни охватываются «Домостроем»* – (б) *«Домострой» охватывает [собой] все стороны жизни.*

Большинство глаголов, которые выступают в таких конструкциях, имеют исходные агентивные (каузативные) значения. Затем от них образуется декаузатив, который развивает разные неагентивные, в том числе стативные, значения. Этот процесс можно проиллюстрировать, например, глаголом *содержать*.

Сначала была агентивная переходная конструкция:

(а) *Смотритель содержит зверей в клетках*

На базе (а) образуется (б):

(б) *Звери содержатся в клетках*

– из ситуации устраняется агенс (происходит понижающая деривация, см. [8]), т. е. глагол становится декаузативом. Значение предложения (б) локативное: ‘Звери находятся в клетках’.

Дальше декаузатив развивает значение, не связанное с агентивным *содержать*:

(с) *В овощах содержатся витамины*

– здесь *содержатся* – это практически другой глагол с другим значением – не локативным, а бытийным: ‘В овощах есть витамины’ [2].

От этого интерпретационного глагола (с) образуется производная переходная конструкция (d):

(d) *Овощи содержат витамины.*

Таким образом, если пары типа (а)→(б) иллюстрируют процесс интранзитивизации (образования непереходного глагола от переходного), то пары типа (с)→(d) иллюстрируют процесс транзитивизации – преобразования непереходной конструкции в переходную.

Образование непереходных глаголов от переходных широко представлено в русском языке.

В некоторых случаях глагол становится непереходным без возвратного показателя:

– глаголы движения: *Маленький автомобиль катил по обледеневшему асфальту* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба (1960)); *Куда ты погнал? Мчал на машине; Фонтан бьет*; это единичные случаи. Уже *Колесо катит* сказать нельзя, надо – *катится* (большой материал, касающийся лабильных глаголов в разных языках, в том числе в русском, представлен в книге [5], см., в частности, с. 185–187);

– глаголы болевых ощущений (они подробно описаны в работе [3, с. 8–65]): *Х колет Y иглой* → *В боку колет*; аналогично *режет, тянет, жжсет* – это тоже небольшой семантический класс;

– конструкции, когда инструмент или средство агентивного глагола попадают в позицию подлежащего: *Нож режет, клей клеит* – здесь утрачивается актуальное значение и возникает значение свойства;

– образование значения свойства от значения действия, когда прямое дополнение утрачивается: *Ребенок уже читает.*

Все перечисленные типы переходов в значительной мере лексикализованы и имеют ограниченную сферу действия.

Наряду с этим есть массовый и относительно регулярный процесс превращения переходных глаголов в непереходные – это устранение агенса (или каузатора) и образование декаузативного глагола от каузативного (что маркируется возвратным показателем *-ся*) с продвижением пациенса в позицию подлежащего: *Форточка открылась; Суп сварился; Шарик закатился под диван.*

При этом противоположного массового процесса – превращения непереходных гла-

голов в переходные, т. е. ретранзитивизации (или просто транзитивизации), – в русском языке как будто бы нет. Есть только отдельные явления, например, переходность, связанная с приставкой: *ехать где – объехать что*; супплетивные пары, состоящие из непереходного глагола и переходного каузатива типа *идти-вести, лежать-класть, сидеть-сажать* и под. Но такие случаи единичны и относятся больше к лексической системе, чем к грамматической.

В действительности в русском языке представлен и массовый процесс образования переходных глаголов от непереходных. Но он остается в тени, поскольку соответствующий материал рассматривается обычно под другим углом зрения. Пары типа *Свод держится на колоннах – Колонны держат свод* и под. описываются, например, в рамках модели «Смысл ↔ Текст» как конверсивы (см. [1, с. 266–275]), которые считаются равнозначным преобразованием; пары типа *пропускать-проходить* (см. [1, с. 278]) считаются квазиконверсивами, поскольку глаголы типа *пропускать* каузативные, т.е. семантически более сложные, чем глаголы типа *проходить*; однако и в этих парах отношения рассматриваются скорее как ненаправленные, а в списках квазиконверсивов каузатив приводится первым (ср. *Ветер качает ветку – Ветка качается на ветру* [1, с. 277]). При этом природа и функции рефлексива в предложениях типа *Колонны держат на себе свод* в рамках указанного подхода не обсуждаются.

Между тем если, во-первых, предположить, что это преобразование имеет направление (от непереходного глагола – к переходному), и, во-вторых, признать, что производная конструкция является более сложной – хотя бы формально, за счет рефлексива, – то на соответствующие пары можно взглянуть иначе.

Сразу отметим, что процесс транзитивизации не следует понимать буквально – как превращение возвратного глагола в переходный за счет утраты *-ся*. Речь идет о корреляции непереходной и переходной конструкций. Такая корреляция не обязательно должна возникать между однокоренными глаголами, как в случаях *содержаться-содержать, подчиняться-подчинять, объединяться-объединять* и т.п., – просто однокоренные глаголы образуют «естественную» пару и лучше приспособлены для участия в процессе транзитивизации (в данном случае – ретранзитивизации). Но корреляцию могут образовывать и супплетивные пары – важно, чтобы между ними было определенное смысловое соотношение:

К нему тянутся люди – Он притягивает к себе людей.

За наводнением следует эпидемия – Наводнение влечет за собой эпидемию.

В мешок входит 50 кг – Мешок вмещает в себя 50 кг.

(впрочем, есть и: *В мешок вмещается 50 кг*).

Однако однокоренные пары возвратный-переходный более наглядны, поэтому мы и используем их для иллюстрации.

Наконец, есть случаи вообще без исходной конструкции:

*Экспонат привлекает к себе внимание – *внимание привлекается к экспонату* (но: *Внимание приковано к экспонату*).

ПРИМЕЧАНИЕ

Вообще, не для любой производной конструкции или единицы можно найти исходную, например, глагол *смеяться* в русском языке не сохранился, тем не менее *смеяться, осмеять* и *высмеять* все равно можно рассматривать как производные (во всяком слу-

чае – членимые) единицы – в силу системных связей.

Теперь вернемся к вопросам, которые были сформулированы в самом начале:

Какова функция тавтологических рефлексивов в предложениях типа *Овощи содержат в себе витамины*; чем определяется выбор падежа ТК; соответствует ли такому рефлексиву отдельный актант со своей собственной семантической ролью, как, например, в случаях типа *уципнуть себя* (где рефлексив обозначает пациенса), или подлежащее и рефлексив – это не только один и тот же референт, но также один актант и одна роль?

Возможны разные варианты объяснения тавтологического рефлексива с привлечением разных аналогий.

Если считать, что в конструкциях с ТР подлежащему и ТР соответствует не только один референт, но и один актант, то в качестве аналогии можно привести расщепление валентности (о расщеплении валентностей см. [1, с. 153–155]: *Гладил голову ребенка – Гладил ребенку голову; Его лицо изменилось – Он изменился в лице; Выйти в тыл противника – Выйти противнику в тыл.*

Если считать, что ТР – особый актант, который обычно синтаксически не выражается, но может быть выражен, то в качестве аналогии можно привести экскорпорацию инкорпорированного актанта (об экскорпорации актантов см., например, [7]): *Видел своими глазами; Слышал своими ушами.*

Наконец, можно предположить, что ТР – это, так сказать, «фантомная» валентность агентивного значения, т.е. тавтологический рефлексив появляется в тех случаях, когда у глагола была соответствующая валентность в агентивном значении. На самом деле далеко не всегда у агентивного значения была такая

валентность (например, у агентивного значения *соединить* – *Монтер соединил два провода* – не было валентности «в чем», она появляется только в интерпретационном значении: *Писатель соединил в своем романе две линии* → *В романе соединяются две линии* → *Роман соединяет в себе две линии*), но во многих случаях валентность, выражаемая тем же падежом, что и ТР, у агентивного значения все-таки есть, хотя, естественно, с другим семантическим содержанием.

Мы не можем сейчас останавливаться на этих аналогиях – во-первых, они требуют подробного рассмотрения (и будут рассмотрены в другой работе), а во-вторых, дальше будет предложено другое объяснение, состоящее в том, что конструкции с ТР – результат повышающей деривации.

3. ПОВЫШАЮЩАЯ ДЕРИВАЦИЯ

Механизм появления тавтологического рефлексива аналогичен механизму появления возвратного показателя *-ся* у переходных глаголов: и *-ся*, и ТР появляются в ходе актантной деривации (см. [8, с. 276–288]). Но содержание процессов появления *-ся* и ТР противоположно: если в случае образования декаузатива от переходного каузативного (агентивного) глагола имеет место понижающая деривация, то при транзитивизации – повышающая.

При понижающей декаузативной деривации глагол семантически утрачивает каузатор. В принципе, устранение каузатора может произойти и без присоединения показателя *-ся*: *Велосипед катится по дорожке* – *Велосипед катит по дорожке*, – но для русского языка это не характерно.

Более обычной и распространенной является декаузативная деривация типа *Форточка открылась*. Иерархически более низкий, чем Агенс, актант – Пациенс – продвига-

ется в позицию подлежащего агентивного (или просто каузативного) глагола. Однако это производное подлежащее, т. к. пациенс не может быть подлежащим агентивного переходного глагола. Глагол становится непереходным, что в русском языке маркируется возвратным показателем *-ся*, и из его семантической структуры устраняется агенс (каузатор).

Итак, *-ся* показывает, что реального каузатора нет и что *форточка*, хотя и стоит в позиции подлежащего, каузатором не является. Условно можно считать, что при понижающей актантной деривации происходит понижение ранга глагола – у декаузатива по сравнению с каузативом более бедная семантическая структура, меньше валентностей и синтаксических возможностей.

Однако у декаузативизации есть и обратная сторона: Пациенс, исходно более низ-

кий ранг в иерархии семантических и синтаксических ролей, повышается в ранге.

ПРИМЕЧАНИЕ. Иерархия семантических ролей и соответствующая им иерархия синтаксических позиций и падежей обсуждается в работах по типологии, см., например, [4, с. 121]. Вершиной этой иерархии является Агенс, который обычно имеет высший ранг в синтаксической иерархии – занимает позицию подлежащего – и кодируется независимым падежом – именительным (в тех языках, где есть падежи); за ним следует Пациенс – прямое дополнение, винительный беспредложный; затем – Экспериенцер (непрямое дополнение, дательный), инструмент или средство (косвенное дополнение, творительный) и место (предложная группа):

Агенс	Пациенс	Экспериенцер	Инструмент	Место
подлежащее	прям. доп.	непрям. доп.	косв. доп.	предл. группа

При этом пациенс повышается не только синтаксически (занимая позицию подлежащего) и коммуникативно (становясь темой) – как это ни парадоксально, повышается его акциональность, агентивность: он становится главным участником ситуации (в отсутствие других участников). Интересно, что именно в русском языке с его техникой кодирования непереходности показателем *-ся*, который исторически связан с возвратным местоимением *себя*, идея повышения значимости Пациенса в возвратной конструкции (по сравнению с переходной, где пациенс кодировался винительным падежом) выражена особенно

выпукло, т.к. *Форточка открылась* буквально значит «Форточка открыла себя». С помощью такой структуры в русском языке моделируется не только отсутствие реального каузатора, но и повышение ранга Пациенса.

Итак, в агентивной сфере, и шире – в сфере физической каузации, действует понижающая деривация, которая приводит к образованию декаузативов от каузативов, непереходных глаголов от переходных и к утрате актанта исходного глагола (причем главного актанта – агенса, каузатора). Существует и обратный процесс – повышающая деривация:

Петя ест кашу → *Мама кормит Петю кашей*;

Петя идет в детский сад → *Мама ведет Петю в детский сад*,

– когда прибавляется новый актанта, новая роль (каузатор) и новый референт.

ПРИМЕЧАНИЕ. Здесь есть разные варианты: переходный → переходный глагол (*есть* → *кормить*); непереходный → переходный глагол (*идти* → *вести*); нас интересует второй случай.

В физической сфере повышающая деривация представлена слабо относительно немногочисленными супплетивными парами и скорее относится к лексической, а не к грамматической системе.

Однако в русском языке можно обнаружить достаточно массовый и регулярный процесс повышающей деривации, связанный с образованием ПЕРЕХОДНОГО глагола ОТ НЕПЕРЕХОДНОГО. Этот механизм действует в информационной сфере и представлен парами конструкций типа (а) *В овощах содержатся витамины* – (б) *Овощи содержат в себе витамины*. Пары типа (а)–(б) можно описывать, как уже отмечалось выше, в рамках конверсивов – предложная группа в (а) соответствует подлежащему в (б), а подлежащее в (а) – прямому дополнению в (б). Однако, на наш взгляд, конструкции типа *Овощи содержат в себе витамины* не являются равнозначным (конверсивным) преобразованием конструкций типа *В овощах содержатся витамины*, потому что в них появляется позиция для ТР. Предложения с ТР являются более сложными не только по форме, о чем сигнализирует рефлексив, но и по смыслу. По сравнению с исходной конструкцией у предложений с ТР меняется значение и прибавляется актанта со своей собственной

ролью, в чем и состоит повышающая деривация. При этом глагол становится переходным.

Что это за новое значение, которое появляется у производных переходных глаголов в информационной сфере? Это значение характеристики.

Предложение *Овощи содержат в себе витамины* не значит ‘овощи – это такой контейнер, где лежат витамины’, а значит ≈ ‘овощи имеют полезные свойства’, т. е. субъект здесь – носитель свойства: ‘овощи витаминны’; аналогично: *Письмо содержит в себе объяснение* ≈ ‘объясняющее письмо’; *Брянская земля хранит в себе какую-то тайну* ≈ ‘брянская земля таинственна’ и т. д.

То есть у подлежащего не та роль, которая была в непереходной конструкции (фрагмент мира), а другая семантическая роль – носитель свойства. Эту новую семантическую структуру с новой ролью можно передать таким толкованием:

Овощи содержат в себе витамины ≈ ‘овощи имеют свойство, такое, что В НИХ содержатся витамины’.

При этом глагол, конечно, семантически обесценивается, сдвигается в сторону полуслужебных, полуснаменательных связок. Тем не менее он еще не полностью превращается в связочный, а сохраняет остатки метафоричности и тем самым – память о той цепочке семантических переходов, которые связывают его с исходным агентивным значением. Попутно заметим, что глаголы, которые полностью утратили знаменательность и превратились в связку, в процессе повышающей деривации (даже интерпретационной) не участвуют, ср.: *Наша цель заключается в создании информационной системы* – **Создание информационной системы включает в себе нашу цель*.

Аналогично – с каузативными глаголами:

Термин «раса» тянет за собой длинный хвост негативных ассоциаций.

Здесь подлежащее – интерпретационный каузатор (такой роли у ИГ *термин «раса»* не было в непереходной конструкции *За термином «раса» тянется длинный хвост негативных ассоциаций*). Это преобразование похоже на обычную каузативную повышающую деривацию (*идет* → *ведет*), только в интерпретационной сфере. В действительности, с интерпретационным каузатором тоже связано значение свойства, характеристики: ‘Термин «раса» имеет негативные ассоциации’.

Наконец, в конструкциях с ТР в винительном падеже прямого дополнения:

Новое оборудование окупилось через 3 года → *Новое оборудование окупило себя через три года*

– тоже происходит своего рода повышение: подлежащее непереходного глагола становится подлежащим переходного глагола, что можно считать повышением ранга как глагола, так и подлежащего.

А что такое ТР *в себе* (*за собой, собой, на себе* и т. д.) в переходной конструкции? Это актант исходной конструкции, которая оказалась полностью включена в производную вместе со своими валентностями, как это происходит при повышающей деривации и у глаголов физической сферы, когда исходная ситуация (например, *Петя ест; Петя идет*) целиком включается в производную (*Мама кормит Петю; Мама ведет Петю*).

В информационной сфере исходная ситуация тоже включается в производную, тоже прибавляется новая роль, а вот новый референт не прибавляется. Поэтому появляется кореферентность двух актантов, которая и выражается рефлексивом.

При этом рефлексив стоит в том же падеже, которым его референт кодировался в

непереходной конструкции. Т. е. ТР *собой, в себе, на себе, за собой* и т. д., помимо кореферентности с подлежащим, еще показывает, что подлежащее данной конструкции производное, так же как *-ся* показывает, что подлежащее декаузатива производное: и *-ся*, ТР показывают «прошлое» этой именной группы в исходной структуре. И, кроме того, ТР показывает роль и падеж (!) референта подлежащего в исходной структуре: *Эти идеи не исчерпывают СОБОЙ содержание символа* = ‘идеи характеризуются тем, что ИМИ не исчерпывается содержание символа’ – *ЭТИМИ ИДЕЯМИ не исчерпывается содержание символа*.

Включение исходной ситуации в производную можно представить, как подъем подчиненной, зависимой предикации в доминирующую, как, например, в случаях типа:

Он приказал, чтобы его похоронили в лесу → *Он приказал похоронить себя в лесу*.

В производной предикации нет связи *похоронить себя*, т. е. нет смысла, что кто-то похоронит сам себя, а сохраняется смысл ‘кто-то похоронит его’. Но поскольку *его* кореферентно подлежащему доминирующего предиката *приказал*, происходит замена местоимения 3-го лица *его* на рефлексив *себя* – по общему правилу кореферентности с подлежащим.

Аналогичный процесс происходит в переходах типа *содержаться в чем – содержать в себе*: именная группа исходной конструкции – по общему правилу – заменяется на рефлексив. Именно потому, что вставленная пропозиция «забирает с собой» оба своих актанта, и именно потому, что переходная конструкция является производной, в любую такую конструкцию можно вставить рефлексив – потому что он там предусмотрен, для него там есть позиция.

Парадокс заключается в том, что никакого реального изменения в парах типа *содержаться в чем – содержать в себе*, разумеется, не происходит, и никакого реально нового участника здесь нет – это та же самая ситуация. Но концептуализована она иначе – как повышающая деривация с прибавлением дополнительного актанта. Таким образом, это все-таки другая ситуация, с другими участниками и ролями: в исходной конструкции *В овощах содержатся витамины* смысл ‘овощи полезны, «витаминны»’ тоже был, но в ранге импликации, а в производной конструкции *Овощи содержат витамины* этот смысл попадает в ассерцию.

В отличие от ситуаций реального мира типа *ест – кормит, идет – ведет*, где при повышающей деривации прибавляется актанта, т. е. изменяется денотат, в информационном мире такая операция не влечет изменения денотата – это всего лишь изменение семантической модели, референт остается один и тот же (не забудем, однако, что и в реальном мире возможно референциальное

совпадение участников с разными ролями, ср. *ущипнуть себя*). Т. е. повышающая деривация в информационной сфере не совсем полноценная – поскольку при появлении новой роли не появляется отдельный новый референт. Это не удивительно – многие процессы в информационной сфере представляют собой неполное отражение процессов, происходящих в физическом мире. И все-таки такое преобразование выдвигает иерархически низкий актанта в высокую позицию, делает его контролером дискурса, развертывания текста – это своего рода топикализация: *Овощи содержат витамины* – ‘Что касается овощей, то в них содержатся витамины’.

Рассмотренный материал – это иллюстрация того, что, во-первых, в русском языке, наряду с процессом интранзитивизации, действует относительно регулярный процесс транзитивизации и, во-вторых, что агентивная и интерпретационная сферы устроены по-разному, и это должно учитываться в лингвистическом описании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Апресян Ю. Д.** Лексическая семантика. – М.: Наука, 1974. – 367 с.
2. **Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н.** Русское предложение. Бытийный тип. – М.: Русский язык, 1983. – 198 с.
3. **Концепт** боль в типологическом освещении / под ред. Е. В. Рахилиной и др. – Киев, 2009. – 417 с.
4. **Кибрик А. Е.** Константы и переменные языка. – СПб.: Алетейя, 2003. – 719 с.
5. **Летучий А. Б.** Типология лабильных глаголов. – М.: ЯСК, 2014. – 384 с.
6. **Падучева Е. В.** Высказывание и его соотношенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. – М.: Наука, 1985. – 296 с.
7. **Падучева Е. В.** Семантико-синтаксический интерфейс: инкорпорированные актанта и экскорпорация // Научно-техническая информация. Серия 2. – 2008. – № 8. – С. 21–25.
8. **Плунгян В. А.** Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. – М., 2011. – 672 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1403.12](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1403.12)

Kustova Galina Ivanovna, Doctor of Philology Sciences, Leading Researcher, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

E-mail: galinak03@gmail.com

CONSTRUCTIONS WITH REFLEXIVE PRONOUN AND AN INANIMATE SUBJECT

Abstract

In Article is devoted to constructions with reflexive pronoun and an inanimate subject, cf.: Eta fraza sodержit v sebe glubokij smysl. The constructions include a transitive verb and reflexive. Such reflexive constructions are the result of valence-increasing derivation. They correlate with intransitive constructions, such as V etoj fraze sodержitsia glubokij smysl. Such valence-increasing derivation occurs in the domain of non-agentive meanings. The process of valence-increasing derivation is compared with valence-decreasing derivation. Valence-decreasing derivation is considered on a material of de-causative constructions, cf.: Fortochka otkrylas'; Zveri sodержats'a v kletkah. Considered material illustrates that, first, in the Russian language, along with the process intransitivation acts transitivization relatively regular process and, secondly, that agentive and interpretive spheres arranged in different ways, and this should be taken into account in the linguistic description.

Keywords

reflexive pronoun, valence-increasing derivation, valence-decreasing derivation, intransitive constructions, transitive constructions, de-causative.

REFERENCES

1. Apresjan Ju. D. *Lexical semantics*. Moscow: Nauka Publ., 1974. 367 p. (In Russian)
2. Harutiunova N. D., Shiriaev E. N. *Russian Sentence. Existential Type*. Moscow: Russian Language Publ., 1983. 198 p. (In Russian)
3. *Concept "pain" in typological aspect* (ed.) E. V. Rakhilina. Kiev, 2009. 417 p. (In Russian)
4. Kibric A. E. *Constants and Variables of Language*. St. Petersburg: Aletheia Publ., 2003. 719 p. (In Russian)
5. Letuchiy A. B. *Typology of labile verbs*. Moscow: Languages of Slavic Culture Publ., 2013. 384 p. (In Russian)
6. Paducheva E. V. *Utterance and its relation to reality: Referential aspects of semantics of pronouns*. Moscow: Nauka Publ., 1985. 271 p. (In Russian)
7. Paducheva E. V. Semantic-syntactic interface: incorporated arguments and excorporation. *Scientific and Technical Information*. Series 2, 2008, no. 8, pp. 21–25. (In Russian)
8. Plungyan V. A. *The Introduction Into Grammatical Semantics. Grammatical Meaning and Grammatical Systems of the World's Languages*. Moscow, 2011. 672 p. (In Russian)